

Вероника СЕВОСТЬЯНОВА

г. Санкт-Петербург

Анфиса Николаевна заплакала. Скорее даже она тихонько заскулила и так и пошла вперёд с этими жалобными звуками, произвольно выходящими из её губ, и с протянутыми в сторону двери руками. «Да тихо ты, — цыкнул на неё газовщик, открывая дверь квартиры, — я же сказал, сейчас возьму инструменты и через десять минут вернусь». А она пыталась двигаться за ним, неловко взмахивала правой рукой, чтобы ухватить мужчину за куртку, и при каждом движении её в такт качало от одной к другой стене узкого коридора.

«Не оставляйте меня. Я одна боюсь. Папа всегда говорил, что газ может взорваться», — эти фразы она повторяла и повторяла. Газовщик торопливо вышел, закрыв квартиру, а женщина, натолкнувшись на препятствие, сползла по двери и, скорчившись на полу, продолжала скупно и монотонно: «Не оставляйте меня одну».

«Старая дура», — буркнул он уже на лестнице и быстро побежал вниз. Ему её было жаль.

Вообще, она вовсе и не была старой. Всего три года назад женихи вились вокруг неё роем. Она тогда только въехала в этот двор, и соседи, ранее кланявшиеся её папе, теперь так же угодливо склонялись перед новой жилищей пятикомнатной квартиры. А она — высокая, стройная, белокожая — в ответ на приветствия царственно взмахивала ухоженной ладошкой. Анфиса Николаевна всегда гордилась своим тактом, даже к дворовым кошкам обращаясь исключительно на «вы». «Уважаемый, — увещевала она однажды бомжа, устроившегося на ночлег под кустами перед дверью её подъезда, — вы бы поменяли своё мировоззрение, уважаемый. Я уверена, что вы хороший человек, и, если вам помочь, например с работой, вы сможете вернуться к нормальной жизни». Общение двух культур тогда закончилось ничем, потому что соседи вызвали участкового, который благополучно увел за собою немытого уважаемого.

Папа Николай Петрович, именитый акаде-

мик, перед отъездом по контракту в Америку оставил своей любимой Анфисе и большую квартиру в центре города, и место заведующей кафедры. Кроме науки, он искренне любил только единственную дочь, и устройство всех сфер её жизни было для него второй, а возможно, даже и первой главной задачей.

Газовщик уже бежал обратно по двору: «Надо, правда, торопиться, а то там сейчас ещё накрутит чего или спичкой чиркнет, взорвёт ведь весь дом». В этой её квартире он был впервые.

После смерти отца Анфиса Николаевна потеряла, как ей показалось, весь мир. На кафедре её оставили, но только в должности рядового сотрудника. А вокруг квартиры сразу забегали многочисленные адвокаты. Они громко и убедительно разговаривали, махали исписанными бумагами, говорили о печатях, подписях и праве на наследование. Откуда взялись дополнительные жёны и дети у её папы, Анфиса Николаевна так тогда понять и не смогла. Но новых родственников принимала хорошо. Устраивала обеды, выделила комнаты для проживания приехавшим из провинции и на все советы приятельниц «надо бороться» лишь по обычаю величаво махала ладошкой. Бороться с новой семьёй ей не хотелось. Да и не понимала она, почему нужно отказываться от вновь приобретённых братьев и сестёр. А потом её переселили в необустроенную однушку.

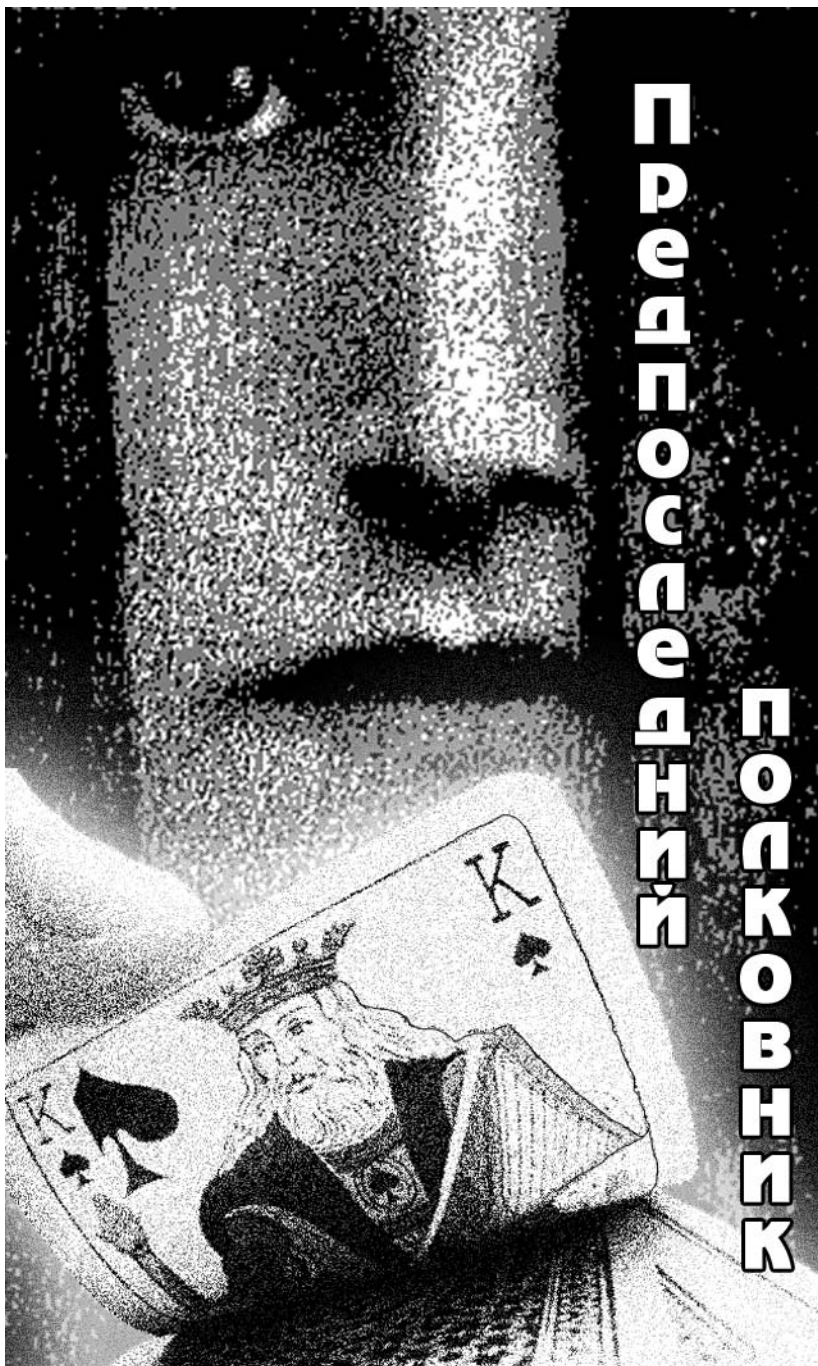
Жильё для главной наследницы риелторы подобрали в том же папином дворе. И в первые дни, выходя из подъезда, она никак не могла поверить, что всё происходящее наяву. Те же скамейки, деревья, качели. Но почему-то соседи уже не склоняют при встрече головы, а некоторые из них так и вовсе перестали её узнавать. А в квартире разбитый унитаз, раковина, уютно расположившаяся в коридоре на полу, и выбитые куски паркета. Она тогда долго плакала. Особенно жалко ей было ГДР-овский сервиз с позолотой на двенадцать персон, который она так тщательно упаковывала в коробки, а его потом, видимо перепутав, увезли в другую квартиру.

Газовщик уже уверенно шурувал во внут-

ренностях газовой колонки. «Ты, милая, так не переживай, сейчас всё поправим, — говорил он, продувая небольшие изогнутые трубки, — что же ты раньше меня не позвала? Давно без горячей воды живёшь?»

«Почти две недели», — ответила Анфиса Николаевна и по-гусыньи вытянула голову вперёд. Ей странным образом почудились в голосе рабочего нотки отца. А он заботливо подкручивал отвисшую дверь у старого шкафа. Потом поставил на место раковину и пообещал прийти завтра. Три дня подряд она писала заявки в ЖЭУ на вызов газовщика. И он приходил, чинил и много рассказывал. О своем безотцовском детстве, о том, что всегда хотелось есть и как часто били его во дворе. И о том, что после драки главным его желанием было остаться лежать на земле, свернувшись калачиком. Ему всегда хотелось, чтобы в мире жило только добро, но зло оказывалось с кулаками, и приходилось учиться вставать. А поднявшись, оказывается, надо обязательно давать обидчикам сдачи.

Больше они никогда не виделись. Его перевели на другой участок. А она перестала плакать. Но прошло ещё два года, прежде чем она научилась не только подниматься, но и бить в ответ. Нет, нет, свои царственные и теперь снова ухоженные ручки она в ход в прямом смысле не пускала. Но те, кто знали новую Анфису Николаевну, обижать её не рисковали. Женщина она, знаете ли, суровая и на земле своими ногами твёрдо стоит.

ПЕЧАТНОЕ ПОКОВОНИК

Лечилась Надежда Петровна всегда обстоятельно. Вот и сегодня, последний раз покрутившись перед зеркалом в прихожей и сосредоточенно поцокав по нёбу языком, она отправи-

лась к врачу. Согласно собственноручно составленному расписанию в этом квартале у неё были зубы.

Вообще, если выражаться точнее, зубы у неё давно уже были не все. Три потеряны ещё в период советской медицины, когда походы к стоматологу скорее напоминали добровольную сдачу гестаповцам. Ну, а следующая пара ушла впереверес наступившему возрасту. Впрочем, отсутствие некоторых жевательных элементов ранее её никогда не смущало. Но полгода назад дочь уехала в другой город учиться, и Надежда Петровна решила заневеститься.

«Не опоздать бы на приём», — опомнилась будущая вдова и, оторвав восторженный взгляд от витрины ювелирного, побежала в сторону Профсоюзной.

Клинику женщина подбирала долго и тщательно. На хорошее обслуживание по полису рассчитывать было нечего, поэтому рейтинг близлежащих платных лечебниц в Ясенево она составляла по опросам друзей и отзывам в Интернете. Всё сошлось на «Архимеде». А запись на неделю вперёд, большие зеркала в холле, бесплатные бахилы и кулер с водой подтверждали солидность выбранного учреждения.

«Здравствуйте, — с размаху уселась Надежда Петровна на диван в приёмной, пытаясь отдышаться после уличной июльской жары. И, поёрзав по мягкой коже, многозначительно добавила: — Назначено». Пухленькая девушка за стойкой в ответ неестественно радостно заулыбалась. А минут через пять из дверей кабинета выглянул высокий сухопарый врач: «Пройдёмте». Подготовка к предбрачному этапу начиналась явно удачно.

«Так-с, — глубокомысленно произнес доктор, ворочая голову пациентки вправо-влево, — так-с, так-с», — добавил он через минуту ещё более убедительно. А она, замороженная его профессионализмом, пыталась скосить хоть один глаз на правую руку.

«Кольца, значит, нет, — мысленно подытожила Надежда Петровна начало своего обследования,

— да и администратор страшенькая, можно и полечиться». Приняв судьбоносное решение, она усталилась глаза в глаза.

Стоматолог заговорил: «Ну что же, охват работ ясен. Пятёрочку подточим, от неё мост на место шестого и седьмого, верхние жевательные тоже подкорректируем, а передние, думаю, удалим, там импланты встанут хорошо», — внимательный доктор постукивал инструментом по зубам женщины в такт своей речи. Надежда Петровна ассоциативно подумала о ксилофоне и о том, что настолько музыкальных мужчин в её судьбе ещё не было. Но спустя мгновение до неё дошло: «Доктор, пятёрка же живая, зачем точить?» А врач уже строчил запись в большом журнале, пытаясь свободной рукой достать калькулятор: «Не волнуйтесь, к имплантации приступим после того, как остальной рот подготовим».

Дальнейшие события в кабинете напоминали скорее бессвязную перепалку. Надежда Петровна, женщина образованная, в чьём активе были даже две статьи, написанные для Википедии, громко озвучивала всё, что она думает о вываливающихся имплантах и врачах-обманщиках. Оппонент взывал к голосу разума: «Да имплантация — это самая апробированная методика, в СССР она вообще на потоке во всех районных больницах была». Эта фраза окончательно подкосила веру женщины в правильности выбора, и она,

изловчившись, сорвала маску с лица врача. Под зелёной тканью скрывалось нечто юное и беззубое. «Сопляк, — прорычала разъярённая пациентка и, сжимая в кулаке добытый матерчатый трофей, стала приподниматься из кресла, — ты мне ещё все зубы повырывай, медбрат необученный». В воздухе запахло войной, а голос врача оказался неожиданно визгливым: «Света, Света, сюда, быстрее, Света».

«Счёт?» — влетела в кабинет пухляшка из приёмной. «Два-ноль твой счёт, в мою пользу», — быстро отреагировала Надежда Петровна, и её грудь торжественно заколыхалась от смеха. Не оглядываясь, победительница покинула поле битвы.

А уже вечером следующего дня она, по рекомендации подруги, сидела в кабинете ведомственной клиники МВД. Коридоры здесь были длинными и тёмными, стены обшарпанными, кресла дерматиновыми. Но руки пожилой женщины-врача действовали уверенно, а озвученные цены не пугали своей недоступностью. В соседнем кресле, кстати, лечили упитанного полковника. Сплёвывая, Надежда Петровна старалась быстро вспомнить всё положительное, что она слышала о службе в органах. Ведь с чего-то надо будет начать разговор, когда после лечения она споткнётся у двери и упадёт прямо в руки сушеного в погонах.

Стратегия, однако. □

Вероника Славдиевна СЕВОСТЬЯНОВА

родилась в Самаре.

Редактор, журналист,

телесценарист, прозаик.

Неоднократный лауреат профессиональных премий.

Живет в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

